

Женщина за тридцать, некрасивая, она все еще смотрела на себя с унылым лицом. Чэн Сюань последовала за Ван Сюаньчжи и поклонилась в знак приветствия, но в душе она была настроена очень пренебрежительно. Ради такой особы отец позволил ей войти в свой гарем. Конечно, как бы он ни старался, он все равно не мог соответствовать положению своего брата в сердце отца.

"Это Чэн Сюань". Видя, что лицо Лин Цинъю медленно восстанавливается, Ван Сюаньчжи слегка улыбнулся.

Презрение в глазах молодого человека не укрылось от глаз Линь Цинъю. Хотя на первый взгляд сходство действительно было, но когда он подошел ближе, то понял, что юноша и Чэн Цзя похожи в лучшем случае, и действовали как имитация. Вместо него был оставлен человек, который оказался наложницей Чэн Цзя.

В тот момент она действительно была похожа на Чэн Цзя. Лин Цинъю в душе презирала себя. Как и ожидалось, она не видела их слишком долго, поэтому у нее были догадки...

Посмеявшись над собой, Линь Цинъю вернул слабую улыбку на свое лицо, а затем сел и сказал: "Младший брат Чэн Цзя, господин Чэн, вы хотите, чтобы сын стал чиновником?"

Ван Сюань улыбнулся, прежде чем ответить, Чэн Сюань уже улыбнулся: "Да, мой отец сказал, что ему нужно несколько слуг рядом с ним. Интересно, есть ли у Сюаня такая честь?"

Э? Это действительно смело! Бросив взгляд на ошеломленного Ван Сюаньчжи, Лин Цинъю улыбнулся еще глубже.

"Вашему Величеству не нужны слуги рядом с ним, мастер Чэн, должно быть, понял значение господина Чэна". С сердечным голосом, фигура внезапно появилась снаружи водного павильона, в красном платье и серебряных доспехах, с несравненным лицом, его рот был надутым. Слабая улыбка делала его красивое лицо более нежным, чем у Ся Хуа рядом с ним.

"Господин!" Несколько шагов ступил в павильон у воды, опустился на колени перед Линь Цинъю, взял ее за руку, и после легкого поцелуя, Е Ши поднял голову и улыбнулся: "Одиннадцать вернулась".

А?! Линь Цинъю снова была ошеломлена.

Увидев, что Е Ши выглядит как слуга ветра и пыли, она, должно быть, поспешила обратно, а затем, выполнив легкую работу, вошла во дворец. Что ж, через несколько дней наступит 14 июля. Она отказалась от этого дня. Запутанный, но такой громкий? Даже поцелуи вышли наружу? Е одиннадцать, что ты хочешь делать?

Лицо Чэн Сюня внезапно застыло, что за ситуация? Отец, ты не говорил мне, что у этой старухи уже есть такой красивый мужчина-фаворит!

"Генерал Е вернулся в такой спешке, должны быть переговоры о государственных делах, я уйду первым". сказал Ван Сюаньчжи, после чего потянул Чэн Сюаня за собой и вывел из водного павильона.

Когда Ван Сюаньчжи сказал это, Су Ваньюнь уже не мог усидеть на месте, они встали, чтобы уйти, и вернулись на главную площадку.

Увидев спину Чэн Сюня с холодным фырканьем, уголки его бровей, глаз и рта были нежными,

когда он повернул голову, кокетливым тоном Е Ши сказала, "Мастер, я была в дороге два дня одиннадцатого. Хорошо ли это использовать?"

Его лицо слишком красиво, и когда его убийственная аура сдерживается, его нежные брови имеют удивительную красоту. Такая кокетливая внешность заставляет людей не догадываться, что он - кровожадный Ракша, которому двадцать пять лет.

Алан хихикает и смеется. С тех пор, как он увидел трюки Чжао Иньфэна, Е Ши просто идет в ногу со временем и выучил 50% плутовства Чжао Иньфэна, но для Чжао Иньфэна нет нижнего предела. Просто Алан чувствует, что его будущая жизнь должна быть полна сюрпризов и счастья.

"Иди, иди." Лин Цинъюй посмотрела на них двоих и беспомощно сказала. Хотя большую часть времени она все еще живет в Гуангуаньюань Линфу, внутри дворца был приведен в порядок дворцовый сад, и там есть большая баня, вымощенная мрамором.

Когда наступила ночь, сад императорского дворца был вновь открыт после пятилетнего перерыва.

Небо было полно звезд, звезды были усеяны, коридоры двора, блузки с широкими рукавами, шепот Ингэ, сложные огни и тени, блеск и красота.

Линг Цинъюй занимал главное место, по одну сторону от него сидела разноцветная женская семья, по другую - придворный с широкими рукавами. Е По и Е Ши стояли позади нее.

В потоке света и тени мужчина в темно-красном облегающем костюме был еще более ослепительным, чем звездное небо.

Он почти мгновенно покорила сердце девушки во дворце.

"Чжурчжэни действительно крепкий народ". Обхватив пальцами волосы женщины и глядя на лениво лежащую на кровати женщину с закрытыми глазами, Е Шиси удобно улыбнулся и мягко сказал: "Если бы не твои слова, дай им еще один. Через десять лет, боюсь, сила войск возрастет, и к тому времени упаковывать ее будет еще хлопотнее. Впрочем, это уже не климат".

"Одиннадцатый," сказал Линь Цинъюй с закрытыми глазами, его голос все еще был ленивым, "Не устраивайте слишком большую резню."

"А?" Обняв ее сзади, Е Ши наклонил голову и слегка поцеловал ее шею и ухо.

"Заняв место, я попросил Чжу Вэя уехать отсюда, чтобы подготовиться к эмиграции, и использовать нашу культуру и экономику для их ассимиляции." Получив от него поцелуй, Линь Цинъюй положила руку на его руку и прошептала: "Люди убивают слишком много. Слишком много, будет возмездие".

"Мне все равно..." Е Шиси провел по ее щеке, поцеловал в губы и прошептал.

"Мне не все равно..." Сразу после прошепанных слов, поцелуй Е Шиси вдруг стал горячим, и с

силой впился в губы, от чего его сердце почти перестало биться.

Племена в северном Синьцзяне храбры и воинственны. Народы, живущие на лугах, по природе своей агрессивны. Чтобы подавить их с максимальной скоростью, только абсолютная **** сила, ты тираничен, я тираничнее тебя, Ракша Чем больше территория, захваченная армией, тем больше людей исчезнет.

Возмездие, тогда возмездие на мне, сестра, только если обширные земли северного Синьцзяна будут заселены как можно скорее, я смогу вернуться к тебе.

**

15 июля, в день Праздника Призраков, в городе Бяньцзин по обычаю проводились государственные церемонии. Лин Цинъюй подошел к кургану Ян Чжаохэли и Чжао Иньфэна.

Три отреставрированные могилы находятся недалеко друг от друга. Перед могилами вывешено множество белых знамен, цветы разложены в ряд, бумажные денежные слитки развеваются на ветру.

Сердца людей, сердца людей на самом деле самые простые. Кто бы их ни защищал и кто бы ни давал им хорошую жизнь, они будут помнить того.

"Генерал, вы получили так много благовоний, вы должны быть счастливы теперь? Если вы недовольны, скажите мне, хотя я не могу решить проблему, по крайней мере, я могу выслушать ваши жалобы". Ветер зашумел перед гробницей, а Чжао Мэн уже стоял на коленях перед гробницей и говорил, сжигая бумажные деньги.

Начиная с гробницы Ян Чжао, Лин Цинъюй возглавил собрание, за ним последовал Гао Лю и другие умершие люди в Пекине, поклоняясь один за другим.

Бумажная пыль, летящая в небе, вместе с дальним колоколом из Бяньцзина стали самым знойным пейзажем того лета.

**

Ранним утром 16 июля Е Одиннадцать тихо уехал, а белый конь в красном в одиночку помчался к далекому полю боя.

<http://tl.rulate.ru/book/15727/2573635>